

К ИСТОРИИ ЗАДНЕБНЫХ ФОНЕМ
В СЕВЕРНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А. Тимберлэйк

§I. Настоящий доклад касается новейшей регрессивной палатализации заднебных согласных в славянских языках, которая может быть проиллюстрирована сопоставлением данных, приведенных в табл. I.

Т а б л и ц а I

Палатализация заднебных
в двух севернославянских языках

Общеславянский язык	Польский язык	Русский язык
* <i>kyjъ</i>	<i>kiј</i> [k']	<i>кий</i> [k']
* <i>gybnōti</i>	<i>ginąć</i> [g']	<i>гибнуть</i> [g']
* <i>xytroјъ</i>	<i>chytry</i> [x]	<i>хитрый</i> [x']
* <i>vysokoje</i>	<i>wysokie</i> [k']	(<i>высокое</i>)
* <i>drugoje</i>	<i>drugie</i> [g']	(<i>другое</i>)
* <i>suxoje</i>	<i>suche</i> [x]	(<i>сухое</i>)
* <i>kolbasa</i>	<i>kiełbasa</i> [k']	(<i>колбаса</i>)
* <i>golko</i>	<i>zgiełk</i> [g']	(<i>голок</i>)
* <i>xolmъ</i>	<i>Chełm</i> [x]	(<i>холм</i>)
* <i>ročě</i>	(<i>ręce</i>)	<i>руке</i> [k']
* <i>nožě</i>	(<i>nodze</i>)	<i>ноге</i> [g']
* <i>mušě</i>	(<i>musze</i>)	<i>мухе</i> [x']

Эта палатализация произошла в большинстве тех славянских языков, в которых развилось и впоследствии сохранилось противопоставление согласных по признаку палатализации. При некоторых исключениях, отмеченных ниже, эти языки можно объединить термином севернославянские.

Хотя палатализация произошла не только в положении перед каким-нибудь одним гласным, что видно из сопоставления примеров в табл. I, она возбуждает интерес больше всего тем, что имела место перед рефлексом общеславянского гласного **y*, первоначально принадлежащего заднесреднему ряду. Одновременно с палатализацией этот гласный перешел в передний ряд, так что оба изменения, как правило, обсуждаются вместе с помощью соответствий *ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)*. Однако фонологические причины палатализации остаются спорными, поскольку позиция перед гласным заднего ряда непривычна для такого изменения. Таким образом, палатализацию нельзя считать удовлетворительно объясненной, хотя она нередко встречается при обсуждении исторической фонологии отдельных славянских языков.

В настоящем докладе рассматриваются два момента палатализации заднебных: ее фонологические причины и существенное различие между севернославянскими диалектами, с точки зрения палатализации фрикативного *x* (см. табл. I). Здесь мы рассмотрим в основном польский, нижнелужицкий и русский языки и дополнительно верхнелужицкий, кашубский и словинский. Нами вовсе не рассматриваются чешский и словацкий языки, в которых дифференциальная палатализация исчезла относительно рано, или полабский и украинский (и болгарский), в которых система гласных и распределение мягких согласных резко отличаются от того, что наблюдается в других севернославянских языках.¹

§2. В соответствиях *ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)* совмещаются два логически отдельных изменения—палатализация согласного и переход гласного в передний ряд. Таким образом, самый важный вопрос фонологической причинности заключается в том, какое из этих двух изменений основное, а какое второстепенное. Обычно предполагается, что переход гласного должен быть основным изменением, так как трудно представить, что палатализация могла бы произойти в позиции перед гласным заднего ряда. По этой гипотезе переход *y > i* повлек бы за собой изменение *k, g, (x) > k', g', (x')*. Однако возможно, что палатализация могла быть основным изменением, а переход гласного—второстепенным. По этой гипотезе палатализация *k, g, (x) > k', g', (x')* вызвала бы переход *y > i*. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет об основном и второстепенном изменениях в фонологическом, а не временном, смысле, так как оба изменения, по всей вероятности, произошли одновременно.

Первую гипотезу, почти всеми одобренную, выдвинули с небольшими различиями в деталях Р. О. Якобсон и

Л. Л. Касаткин.² Хотя они привели свои соображения применительно к русскому языку, их можно распространить с незначительными изменениями и на другие севернославянские языки, о которых здесь идет речь. Общепринято, что палатализация задненебных произошла после падения редуцированных гласных и формирования противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных, следовательно, после того, как рефлексы общеславянских гласных **i* и **y* стали вариантами единой фонемы /i/.³ Впоследствии эти два варианта определились дополнительным образом в позиции после согласных, обладающих дифференциальным признаком палатализации: вариант переднего ряда [i]—после дифференциально палатализованных согласных, вариант заднего ряда [y]—после дифференциально непалатализованных. В добавлении к этому, среди согласных, не обладающих дифференциальным признаком палатализации, вариант [i] выступал после фонем /j/ и /с, (з), џ, (џ), ѡ, ѡ/, первоначально бывших фонетически мягкими, а [y]—после фонем /k, g, x/, единственных непарных согласных, которые первоначально были твердыми. Судя по тому, что вариант [i] еще появлялся в начале слова и после гласного, его можно считать основным, или немаркированным.

Согласно упомянутой гипотезе, произошло изменение, при котором основной вариант гласной фонемы распространился на позицию после всех непарных согласных, включая твердые задненебные. Это изменение, по Р. О. Якобсону,—результат тенденции к унификации вариантов фонемы, по Л. Л. Касаткину—следствие устранения исключения из правила, определяющего варианты фонемы /i/. Но в гипотезе той и другой разновидности подразумеваются два предположения: во-первых, что изменение вариантов гласного основное, и во-вторых, что палатализация произошла автоматически вследствие присутствия гласного переднего ряда после задненебного.

Оба этих предположения сомнительны. А. Фурдаль возражал против второго предположения, указывая на то,⁴ что палатализация задненебных осуществилась только в тех славянских языках, в которых сохранилась вариация [i] и [y]. Если бы палатализация была неизбежным следствием присутствия гласного переднего ряда [i], можно было бы ожидать, что она произошла бы и в тех языках, в которых [i] и [y] совпали в одном звуке [i] (например, в чешском).⁵

Первое предположение, что основным было изменение в дистрибуции вариантов гласного, базируется на еще одном предположении, что распределение вариантов отчасти обуславливалось ф о н о л о г и ч е с к и м характером предшествующего согласного, т.е. обладает ли он дифференциальным признаком палатализации, или

нет. Хотя это предположение возможно, ему противоречит целый ряд фактов. На каждом этапе в истории севернославянских языков после падения редуцированных варианты фонемы /i/ полностью определялись фонетическим характером предшествующего согласного, т.е. фонетически палатализован ли он, или нет. Таким образом, вариант заднего ряда [y] выступал после любого твердого согласного, независимо от того, обладает ли он дифференциальным признаком палатализации, а вариант переднего ряда [i] — во всех других позициях.

Решающее значение здесь имеют фонемы /с, (з), џ, (ж), љ, ж/. Эти согласные, отличающиеся от других согласных дифференциальным признаком резкости, никогда не обладали дифференциальным признаком палатализации. Пока эти резкие согласные были мягкими, ими определялся вариант [i]. Но как только любой из этих согласных стал фонетически твердым, им обусловился вариант [y], даже когда этот согласный остался фонологически непарным, с точки зрения палатализации — ср. старорусские написания *слишишь* (1300), *княжилъ* (1372), *живота*, *держитъ* (1389), или *язици* (1397).⁶

Распределение вариантов фонемы /i/ одно и то же и для позиции после согласных, которые когда-то обладали дифференциальным признаком палатализации, а впоследствии стали непарными, если данный язык вообще сохранил противопоставление согласных по палатализации и вариацию [i] и [y]. В нижнелужицком и верхнелужицком языках, например, бывшие /s', z'/ отвердели и начали обуславливать вариант [y]: н.-луж., в.-луж. *зума* "зима" (< *z'ima), *сырота* "сирота" (< *s'irota), н.-луж. *prosyś*, в.-луж. *prosyć* "просить" (< *pros'it'). В то же время первоначально твердые /s, z/ продолжали определять вариант [i]: в.-луж. *syn* "сын", *syty* "сытый", н.-луж. *syraś*, в.-луж. *syrać* "сыпать". Если принять гипотезу Якобсона-Касаткина, по которой любой согласный, не обладающий дифференциальным признаком палатализации, должен обуславливать основной вариант [i], то следовало бы ожидать, что этот вариант возник в позиции и после отвердевших /s', z'/, и после первоначально твердых /s, z/. Однако в нижнелужицком и верхнелужицком языках это не произошло ни в том, ни в другом случае.

Подобная картина представлена историей мягкого /r'/ в восточнославянских языках.⁷ В разных говорах мягкое /r'/ отождествилось с твердым /r/ и стало обуславливать вариант заднего ряда гласной фонемы. Это изменение, начиная с XIV в., отражается в памятниках, например, в слове *Дряси* (1399), и наблюдается в современных говорах, например, *кричатъ*, *гриб*.

Во всех этих случаях согласный определял вариант переднего ряда [i] только тогда, когда оставался фонетически мягким. Как только он стал твердым, даже с утратой фонологической парности, он начал обуславливать вариант заднего ряда [y].

Эти факты показывают, что варианты фонемы /i/ определялись фонетическим характером предшествующего согласного, а не фонологическим. Следовательно, вариант переднего ряда [i] никогда не мог бы выступать в позиции после заднеязычного, пока заднеязычный согласный оставался твердым.⁸ Итак, основным в соответствиях *ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)* не могло быть изменение в дистрибуции вариантов гласной фонемы, а должна быть сама палатализация заднеязычного согласного. Поскольку вариант переднего ряда [i] выступает после любого фонетически мягкого согласного, палатализация предшествующего заднеязычного неизбежно вызвала бы изменение в распределении вариантов гласного.

§3. Если основным изменением была палатализация, а не переход гласного, следует объяснить, как она могла произойти в позиции перед гласным заднего ряда. Надо обратить внимание на фонологические свойства, во-первых, согласных, и, во-вторых, гласных в севернославянских языках после падения редуцированных и формирования противопоставления согласных по признаку палатализации.

Как указывалось выше, большинство согласных в это время были фонологически парными по отношению к дифференциальному признаку палатализации, за исключением дифференциально резких согласных /с, (з), ч, (ж), ш, ж/ и заднеязычных /к, г, х/ (и глайда /j/, в дальнейшем не рассматриваемого). Оказывается, что резкие согласные /с, (з), ч, (ж), ш, ж/ подчинялись закономерности, по которой дифференциальная резкость и палатализация более или менее несовместимы в системе с наличием дифференциальной палатализации. Этой закономерностью, возможно, объяснены два факта, связанных с дифференциально резкими согласными: 1) как правило, они не развивали ни синтагматической вариации, ни дифференциальной оппозиции по палатализации; 2) эти согласные стремились стать фонетически твердыми. Если сохраняется вариация по недифференциальному признаку палатализации среди резких согласных, то она определяется парадигматическим образом—ср. мягкое [č'] в противоположность твердым [с, ш, ж] в русском языке.

Заднеязычные согласные, наоборот, не были подчинены такой закономерности и имели возможность развить синтагматическую, т.е. позиционно обусловленную, вариацию в соответствии с признаком палатализации.

Можно предположить, что в этой вариации палатализованный вариант был маркированным, а непалатализованный — немаркированным, или основным. Следовательно, можно ожидать, что палатализованный вариант появился бы в ограниченном, положительно определенном фонологическом контексте, а непалатализованный — в отрицательно определенном контексте, т.е., во всех других позициях. Кроме того, поскольку палатализация согласного акустически воплощается тональностью — палатализованный, или [+дизный], согласный имеет повышенную тональность в противоположность непалатализованному, или [-дизному], согласному,⁹ — то можно ожидать, что вариация по палатализации среди заднеязычных согласных определилась бы каким-то тоновым признаком гласных. Следовательно, палатализованный вариант выступил бы в позиции перед гласным высокой тональности, а непалатализованный — во всех других позициях.

Пара гласных фонем таких, как /i/—/u/ или /e/—/o/, в принципе может противопоставляться друг другу или признаком заднего-среднего ряда (/±низкий/) или признаком лабиализации (/±бемольный/).¹⁰ Однако в акустическом плане эти признаки воплощаются различными тональностями,¹¹ так что и по одному и по другому признаку пара /i, e/ имеет относительно высокую тональность в противоположность /u, o/. Общая корреляция относительной тональности между признаками палатализации ([±дизный]), заднего-среднего ряда (/±низкий/) и лабиализации (/±бемольный/) суммирована в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Соотношение тоновых признаков

Тип звука	Тональность	
	Высокая	Низкая
Согласный	палатализованный [+дизный]	непалатализованный [-дизный]
Гласный	передний /-низкий/ нелабиализованный /-бемольный/	задний /+низкий/ лабиализованный /+бемольный/

Как указывалось выше, после падения редуцированных гласные [i] и [y] стали вариантами единой фонемы /i/, противопоставленной фонеме /u/. С тех пор в фонему /i/ стал входить вариант заднего ряда [y], так

что дифференциальный признак тональности в системе гласных должен был быть признаком лабиализации (/±бемольный/). Только последний может инвариантно характеризовать фонему /i/ по отношению к фонеме /u/ во всех ее воплощениях, в том числе и в ее варианте заднего ряда [y]. На том же основании гласный [y] считался гласным высокой тональности, поскольку был вариантом /-бемольной/ фонемы /i/.

Признак /±бемольный/ заключал в себе все гласные фонемы, кроме гласного низкого подъема /a/ в старорусском языке и гласных низкого подъема /a, a:/ и носовых /a, a:/ в старопольском языке (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Система гласных старорусского и старопольского языков

Старорусский		Старопольский	
/-бемольный/	/+бемольный/	/-бемольный/	/+бемольный/
i [y]	u	i: i [y: y]	u u:
ê	ô	e: e	o o:
e	o		
a		a a:	
		ȧ ȧ:	

Когда заднеязычные согласные начали развивать позиционно обусловленную вариацию по признаку палатализации, палатализованный, или [+дизный], вариант выступил в позиции перед гласными, обладающими дифференциальным признаком /-бемольный/—перед фонемами /i, ê, e/ в старорусском языке и перед /i, i:, e, e:/ в старопольском. Тем, что дифференциальным признаком в системе гласных был признак /±бемольный/, объясняется, как палатализация могла осуществиться перед гласным [y]. Хотя он был гласным заднего ряда, звук [y] являлся вариантом фонемы /i/, обладающей дифференциальной высокой тональностью.

Непалатализованный, или [-дизный], вариант же появился во всех других позициях, в частности: 1) в позиции перед гласными фонемами, обладающими дифференциальным признаком /+бемольный/—перед фонемами /u, ô, o/ в старорусском языке и перед /u, u:, o, o:/ в старопольском; 2) в позиции перед гласными фонемами, вообще не обладающими дифференциальным признаком /±бемольный/—перед фонемой /a/ в старорусском языке и перед /a, a:, ȧ, ȧ:/ в старопольском; и 3) в позиции

не перед гласным (здесь не рассматривается ассимилятивное смягчение заднеязычных в соседстве мягких согласных). Тем, что непалатализованный, или [-дизный], вариант был основным, объясняется, почему он появился перед старорусской фонемой /a/ и старопольскими /a, a:, a, a:/. Хотя эти гласные были фонетически нелабиализованными, они не обладали дифференциальным признаком /±бемольный/. Как гласные нейтральные по отношению к тональности они определяли основной вариант предшествующего заднеязычного согласного.

Итак, изменения, включенные в соответствии *ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)*, нельзя объяснить как чисто артикуляционное уподобление заднеязычного согласного следующему гласному, поскольку следующий гласный мог принадлежать заднему ряду. Эти изменения можно объяснить, однако, как приспособления недифференциального тонового признака [±дизный] в заднеязычных дифференциальному тоновому признаку /±бемольный/ в гласных.

§4. Любая фонетическая вариация, включая палатализацию заднеязычных, может подвергнуться ф о н о л о г и з а ц и и, внезапному изменению, при котором фонетические варианты переоцениваются разными фонемами и их распределение переформируется по морфонологическому, а не фонетическому, правилу. Важным в истории палатализации является ответ на вопрос о том, когда палатализованные варианты заднеязычных стали самостоятельными фонемами. Хронология фонологизации применительно к русскому языку разработана Л. Л. Касаткиным,¹² и его методы можно применить к польскому.

В дискуссиях о фонологическом статусе палатализованных заднеязычных обычно опираются на критерий минимальных пар.¹³ Во многих говорах польского языка, например, фонема /e/ теперь произносится без назализации в конце слова. Так как палатализация не произошла перед этим гласным, возникли минимальные пары типа *drogie* [g'e] "дорогое" — *droge* [ge] "дорогу", *polskie* [k'e] "польское" — *Polske* [ke] "Польшу", доказывая фонологическую самостоятельность палатализованных заднеязычных. В таких дискуссиях, однако, упускается из виду то обстоятельство, что отсутствие палатализации в позиции перед фонемой /e/—неллабиализованным гласным переднего ряда—несколько необычно.

Этот факт говорит о том, что наличие минимальных пар—слишком жесткий критерий фонологического статуса. Фонологическое противопоставление может существовать в потенции прежде чем проявиться в виде минимальных пар. Более пригодный критерий вытекает из принципа ф о н о л о г и ч е с к о г о м о т и в и р о в а н и я — располагаются ли варианты по правилу, мотивированному

фонологической системой данного языка, или нет. Этот принцип предсказывает, что пока варианты определяются мотивированным правилом, их распределение автоматически приспособится к новым условиям, как только такие появятся. Минимальные пары могут возникнуть только тогда, когда правило, определяющее варианты, уже перестало быть мотивированным, т.е. когда варианты уже стали отдельными фонемами. При этом не имеет значения, осуществляются минимальные пары с помощью какого-нибудь другого фонологического изменения или посредством грамматической аналогии.¹⁵

В палатализации заднебных можно различить два случая: 1) если палатализованный вариант появится в позиции перед дифференциально /+бемольной/ или нейтральной гласной фонемой, он превратится в непалатализованный, пока палатализация мотивирована. Если же заднебный остается палатализованным при новых условиях, это доказывает, что палатализованные варианты уже стали фонемами; 2) наоборот, если непалатализованный вариант появится в позиции перед дифференциально /-бемольной/ гласной фонемой, он палатализуется, пока процесс палатализации еще мотивирован. Если же согласный не меняется, это доказывает, что варианты уже стали фонемами.¹⁶ В польском языке встречаются оба случая.

Примеры первого случая эксплицитно отмечены научной литературой. Так, в некоторых говорах произошло изменение $e > o$ перед ψ ($< \xi$). Так как предшествующий заднебный при этом остается палатализованным—*sr. k'oŭbasa* "колбаса", —палатализованные варианты должны были стать фонемами еще до этого изменения.¹⁷ Подобным образом присутствие мягкого заднебного в аналогических новообразованиях *giqǫ́, giqǫ́t* "гнуть" доказывает фонологическую самостоятельность палатализованных заднебных.¹⁸

Однако на примеры второго случая, связанные с историей системы гласных, до сих пор не обращалось внимание. В течение XVI в. количественное противопоставление гласных преобразилось в несколько качественных корреляций, по-видимому, после фонетического изменения, в котором долгие гласные высокого и среднего подъема произносились как напряженные и закрытые, коррелятивные краткие—как ненапряженные и открытые, долгие ртовые низкого подъема и долгие носовые—как задние и лабиализованные, коррелятивные краткие—как среднепередние и нелабиализованные.¹⁹ После того, как эти фонетические различия переоценились фонологическими, в большинстве польских говоров появилась следующая система гласных (табл. 4), хотя в отдельных говорах она впоследствии видоизменялась в результате

вторичных переходов и совпадений гласных.

Т а б л и ц а 4

Система гласных польских диалектов

/-бемольный/		/+бемольный/	
i	[y]	u	
é		ó	
ę	e	o	q
	a	ą	

В системе, схематизированной в табл. 4, основным тоновым признаком остается /±бемольный/ (лабиализация), не /±низкий/ (задний—передний ряд). В отличие от системы старопольского языка (см. табл. 3), этот признак расширяется на все гласные, в том числе и на гласные низкого подъема /a, ą/, и на носовые /ę, q/.

Если бы после образования новой системы гласных палатализация оставалась мотивированным и продуктивным процессом, она должна была бы распространиться на позицию перед гласными /a/ и /ę/, обретшие дифференциальный признак /-бемольный/. Однако в подавляющем большинстве говоров, включая говоры, лежащие в основе литературного языка, этого не произошло. Бывшие твердые задненебные сохранились перед фонемой /a/ (*droga*, "дорога", *Polska* "Польша", *garnek* "горшок") и перед /ę/ (*drogę*, *Polskę*, *gęba* "рот, морда", *gęś* "гусь"). Чтобы сохраниться в позиции перед новыми /-бемольными/ гласными, палатализованные и непалатализованные варианты должны были стать отдельными фонемами до того, как появилась система гласных, представленная в табл. 4. Таким образом, варианты стали фонемами в течение XVI в., задолго до возникновения минимальных пар типа *drogie*—*drogę*.

§5. Приведенное истолкование фонологизации палатализованных задненебных поднимает вопрос, возможна ли иная хронология в других говорах. Действительно оказывается, что именно различие в относительной хронологии дает объяснение особенному развитию палатализации перед фонемами /ę/ < q и /a/ < ą в мазовецких говорах польского языка. Здесь мы рассмотрим только говоры, находящиеся на северо-востоке от реки Вислы, так как в юго-западных мазовецких говорах наблюдается развитие, подобное развитию большинства польских говоров.

Как известно, палатализация заднебных слабо развита в этих говорах. Иногда предполагается, что палатализация в них утрачена,²⁰ но имеется ряд данных, свидетельствующих о том, что она еще находится в процессе развития.

Во-первых, как указывают данные, приведенные Х. Фридрихом, Х. Здунской и С. Вархолом,²¹ палатализация в этих говорах подчиняется ряду иерархических закономерностей: 1) она более развита перед фонемой /i/, чем перед /é e e/; 2) палатализация более развита для смычных /k, g/, чем для спиранта /x/; и 3) имеется градация по степени палатализации—непалатализованное [k] > полупалатализованное [k'] > полнопалатализованное [k'']. Такие закономерности можно рассматривать как иерархии, управляющие скорее развитием палатализации, чем процессом ее утраты.

Во-вторых, в некоторых исследованиях явно отмечается, что отсутствие палатализации наблюдается только в речи старшего поколения и что географическое распространение такого отсутствия уменьшается.²²

Пока еще остается неясным, почему палатализация продолжает развиваться в мазовецких говорах, когда она уже давно закончилась в других. Причиной может быть то, что данные говоры находятся на периферии (ср. слабое развитие палатализации в периферийных силезских говорах), или, более вероятно, что противопоставление согласных по признаку палатализации занимает относительно слабое положение в этих говорах (ср. развитие несинхронной палатализации среди мягких губных согласных и угрожающее совпадение [ɥ] < *y с [i] < *i, на что указал А. Фудраль).²³

Начнем с рассмотрения позиции перед фонемой /e/. Во многих мазовецких говорах бывшие носовые *ę* и *ę̃* стали /e/ и /o/, как и в других говорах. Поскольку /e/ обладает дифференциальным признаком /-бемольный/ в противопоставление /o/ (см. табл. 4), следует ожидать, что палатализация произошла бы перед этим гласным, если бы она оставалась мотивированным и продуктивным процессом. Действительно, смягчение в этих говорах обычно происходит перед /e/—ср. во внутренней позиции *g'ęmba*, *g'ęśi*, *g'ęsty* "густой", *x'ęntńe* "охотное", или в конце слова, с утратой назализации, *matk'e* "маму", *renk'e* "руку", *nog'e* "ногу", *p'elux'e* "пеленку".²⁴

В некоторых говорах палатализация отсутствует перед рефлексом гласного *ę*, хотя в иных позициях она продуктивна (например, в д. Цалование, Хижина, Клуки): *đrogǎ*, *gǎmba*, *miǎǎ*, *xǎńc* "желание", *kuǎtkǎ* "замок". В этих говорах, однако, рефлексом гласного *ę* является не /e/, а /ǎ/, которая в подсистеме носовых гласных

противопоставлена фонеме /q/ < q: не тоновым признаком, а сонорным. Следовательно, фонема /ǎ/ не обладает дифференциальным признаком /-бемольный/ и не представляет собой контекста для палатализации.

Иногда предполагается, что палатализация перед фонемой /e/ < q развилась в качестве гиперкорректизма со стороны говорящих, стремящихся к приобретению литературного стандартного произношения, в котором палатализация перед /e/ отсутствует.²⁵ Однако по нескольким причинам это предположение вряд ли можно считать правильным. Во-первых, иерархии, управляющие развитием палатализации, указывают на то, что палатализация перед /e/ является новообразованием, вытекающим из самой системы данного говора, а не гиперкорректизмом, возникающим путем несовершенного усвоения чужой системы. В частности, фонетическая градация [k] > [k'] > [k''] наблюдается и перед фонемой /e/; /x/ палатализуется перед /e/, как перед другими гласными, хотя литературный стандарт, не знающий палатализации /x/, не мог создать образца для этого; и /e/ имеет ту же способность произвести палатализацию, как и другие гласные среднего подъема. Во-вторых, если бы палатализация перед /e/ была гиперкорректизмом, осталась бы неясной, почему она не развилась и перед /ǎ/ < q. В-третьих, З. Штибер отметил, что произношение палатализованных заднеязычных перед /e/ было вполне обычным в Варшаве до первой мировой войны, а потом стало неодобренным и утратилось.²⁶ Этот факт говорит о том, что социально-лингвистическая сила литературного произношения действует в сторону скорее уменьшения палатализации, чем ее поощрения.

Теперь рассмотрим палатализацию перед фонемой /a/. Ее развитие в этой позиции усложняется распространением рефлексов гласных a и a: в разных говорах.²⁷ На юго-востоке от Вислы рефлексами a и a: являются /a/ и /ǎ/, но в этом районе она перестала быть мотивированной и продуктивной, так что палатализация перед /a/ там не наблюдается. Во многих говорах на северо-востоке от Вислы, где палатализация еще продуктивна, фонологическое противопоставление гласных низкого подъема по признаку бемольности отсутствует: фонема /ǎ/ перешла в /o/ или слилась с /a/. В этих говорах /a/ является единственным гласным низкого подъема и не может быть контекстом для палатализации.

Однако в довольно маленьком районе северной мазовецкой языковой области (особенно в д. Парцаки и Вах) рефлексами гласных a и a: являются /a/ и /ǎ/, противопоставленные друг другу дифференциальным признаком бемольности. Следовательно, нелабиализованный /-бемольный/ гласный /a/ имеет относительно высокую тональ-

ность по сравнению с /ǎ/ и определяет потенциальный контекст для палатализации, которая, как правило, осуществляется в этой позиции: *g'arneŋ*, *soŋk'a* "лобика", *k'asa* "каша", *k'artofel* "картофель", *x'aciri* "хаты", *p'elux'a*, *sox'a* "соха".

Итак, палатализация задненебных перед фонемой /a/ происходит именно в тех говорах, которые противопоставляют фонему /a/ коррелятивной фонеме /ǎ/. В зависимости от того, противопоставлен ли гласный /a/ гласному /ǎ/, или нет, он является в одних говорах гласным высокой тональности, обуславливающим палатализацию, в других—гласным нейтральной тональности, ее не обуславливающим.

То обстоятельство, что палатализация перед /a/ происходит только при условии ее противопоставления коррелятивной фонеме /ǎ/, до того необычно, что было бы небезынтересно рассмотреть два других, опирающихся на фонетические причины, объяснения этому явлению.

С одной стороны, фонема /a/ иногда реализуется гласным переднего ряда [ǎ] или [ä] после мягких задненебных. Возможно, что именно этим фонетическим вариантом обуславливается палатализация.²⁸ Однако, если проследить распределение гласного [ǎ], это предположение оказывается необоснованным. Хотя дистрибуция гласного [ǎ] неодинакова в мазовецких говорах, типичной может считаться система гласных северного говора д. Ричане, где рефлекс старопольского гласного *a*: воплощается в звуке [ǎ], рефлекс гласного *a*—в большинстве позиций в звуке [a], а после мягких задненебных—в звуке [ä]: *dobrá* "добра", *tráva* "трава", *daleká* "далекая", *krova* "корова", *tak* "так", *matk'ä* "мама", *drog'ä* "дорога", *mux'ä* "муха". Поскольку гласный [ä] появляется лишь после палатализованных согласных, он является позиционно обусловленным вариантом фонемы /a/. В качестве варианта этот гласный не мог выступить после задненебного, пока согласный оставался твердым.

С другой стороны, можно было бы предположить, что палатализация определяется фонетической, не фонологической, значимостью признака бемольности в гласном, если бы фонема /a/ воплощалась в виде нелабиализованного гласного при условии ее противопоставления фонеме /ǎ/ и в виде нелабиализованного при отсутствии такой корреляции. Однако в мазовецких говорах фонема /a/ повсюду произносится без лабиализации.²⁹

Два кажущихся противоречия закономерности, состоящей в том, что палатализация происходит перед /a/ только при ее противопоставлении фонеме /ǎ/, можно объяснить естественными следствиями принципа фонологического мотивирования.

Первое противоречие выражается в том, что случаи мягких задненебных перед /a/ наблюдаются иногда вне того небольшого района, где фонемы /a/ и /ǎ/ постоянно противопоставляются (например, в д. Гостково и Грабово). Удивляет, однако, то обстоятельство, что именно эти пункты принадлежат к небольшому числу мест, показывающих следы фонемы /ǎ/.³⁰ Такое совпадение может быть истолковано следующим образом. Палатализация развивалась перед /a/, пока она еще противопоставлялась фонеме /ǎ/. Когда последняя начала затем исчезать, фонема /a/ очутилась вне фонологического противопоставления по признаку бемольности и перестала определять мотивированный контекст для палатализации. Поскольку палатализация все еще является продуктивным процессом в данном районе, палатализованные задненебные в позиции перед /a/ начали ликвидироваться вследствие так называемого т е р а п е в т и ч е с к о г о изменения.³¹

Второе противоречие наблюдается в говорах на далеком северо-востоке, где фонемы /a/ < a и /ǎ/ < a: совпали в одном звуке /a/, а палатализация предшествующего задненебного сохранилась—ср. известные сочетания имен существительного и прилагательного *daleka drog'a* "далекая дорога", *droga matk'a* "дорогая мама", *głuxa muh'a* "глухая муха", *suxa stęx'a* "сухая стреха".³² На основании принципа фонологического мотивирования можно заключить, что в этих говорах мягкие варианты задненебных стали фонемами еще до совпадения гласных /a/ и /ǎ/, хотя палатализация оставалась продуктивной после качественного различия гласных *a* > /a/ и *a:* > /ǎ/.

Различия между мазовецкими и другими говорами польского языка позволяют сделать два вывода.

Во-первых, эти различия указывают на одну причину дивергенции говоров: те же самые изменения могут произойти в говорах с другой относительной хронологией. В литературном языке и в большинстве говоров палатализованные варианты стали фонемами еще до качественного различия гласных, а в мазовецких говорах на далеком северо-востоке они стали фонемами после этого изменения. Во многих других мазовецких говорах палатализация все еще является продуктивным процессом и мягкие задненебные остаются вариантами.

Во-вторых, указанные различия подтверждают выдвинутую выше гипотезу, что палатализация обуславливается дифференциальным тоновым признаком следующей гласной фонемы. Она не случается перед гласным переднего ряда /ǎ/, поскольку он непарен по признаку бемольности. Впрочем, палатализация осуществляется перед гласным заднесреднего ряда /a/ именно в тех говорах,

где он противопоставлен коррелятивной фонеме /ã/ признаком бемольности.

§6. Среди современных западнославянских языков наблюдается различие в палатализации заднеязычных в позиции перед рефлексами ранних западнославянских слогообразующих плавных согласных *r, ʀ < *vr, vl. В верхнелужицком и кашубском языках слогообразующие плавные преобразились довольно рано в сочетания лабиализованного гласного заднего ряда и плавного, перед которыми палатализация заднеязычных, естественно, отсутствует. В польском языке слогообразующий согласный *r развился в сочетании /ar/ и *ʀ в /eɣ/ (после заднеязычных). Как можно ожидать, заднеязычные непалатализованы перед сочетанием /ar/, например, *garb* "горб", *gardło* "горло", *karmić* "кормить", но палатализованы перед /eɣ/, например, *kiełbasa* "колбаса", *zgiew* "шум". Однако в нижнелужицком языке слогообразующие имеют рефлекс /ar, aɣ/ с гласным низкого подъема заднеязычного ряда, но предшествующие заднеязычные все же палатализованы; например, *gjarđy* "гордый", *gjarb*, *kjarmić*, *kjałbas*.

Априори можно считать неправдоподобным, что заднеязычные палатализовались бы в позиции перед гласным /a/. В качестве единственного гласного низкого подъема в нижнелужицком языке, фонема /a/, не обладая дифференциальным признаком бемольности, не могла определять контекста для палатализации, на что указывают примеры *kamjeń* "камень", *gad* "яд" с твердым заднеязычным перед /a/. Более вероятной является гипотеза, что гласный звук в дифтонгированных рефлексах слогообразующих плавных *r, ʀ сначала отождествился с фонемой /e/, перед которой заднеязычный палатализовался бы закономерно. Фонема /a/ современных рефлексов возникла в результате вторичного изменения, весьма возможно вследствие общего нижнелужицкого понижения *e > a* в позиции перед вторично твердыми согласными.

Эта гипотеза подтверждается данными лингвистической географии. Центральная зона нижнелужицкой языковой области окружена с трех сторон периферийными и архаичными говорами, показывающими рефлекс /er/ < *r:³³ 1) на северо-западе, как отметил Хауптманн еще в XVIII в., произношения типа *gjerdy*, *gjerb*, *kjersta* "гостиница" были общими около Люббенау; 2) на юге три переходных говора между нижне- и верхнелужицкими языками, как правило, имеют рефлекс /er/—ср. в западных переходных говорах *kersta*, *kerléjś* "церковный гимн", *gernykcheryk* "горшок",³⁴ в средних *gernyk* и в восточных *g'edto* "зоб",³⁵ *kerchob* "кладбище", *skeržyc* "жаловаться"; 3) в восточнолужицких говорах, в своем

развитии нередко отступающих от массы нижнелужицких говоров, наблюдаются слова типа *geržo*, *gernyk*; 4) наконец, на северо-востоке форма *k'ersta* зафиксирована в г. Рогов.³⁶ Дистрибуция рефлекса /er/ в окружающих периферийных говорах показывает, что первоначальным рефлексом слогаобразующего плавного *r было сочетание /er/.

Гипотеза дополнительно подтверждается данными заимствований. Некоторые ранние заимствования из немецкого языка с первоначальным сочетанием *er* появляются в современном нижнелужицком языке в виде *ar* обычно с палатализацией предшествующего задненебного: *kjarchoh* < *Kirchhof* ~ *Kerschhof*, *kjarl* < *Kerl*. Наоборот, современное название г. *Skarbišojce* перешло в немецкий язык в виде *Skerbersdorf*, сохраняя сочетание *er*.

Итак, данные лингвистической географии и заимствований указывают на то, что первоначальными рефлексами слогаобразующих плавных были сочетания /er/ и, вероятно, /eɪ/, перед которыми развилась палатализация. Исходя из принципа фонологического мотивирования, можно предположить, что палатализованные варианты задненебных стали фонемами до вторичного понижения *e* > *a* — в противном случае варианты депалатализовались бы перед фонемой /a/, никогда не определяющей контекста для палатализации в нижнелужицком языке. Сохранение мягких задненебных перед /ar, aɪ/ < *r, ʎ представляет собой доказательство относительно ранней фонологизации мягких задненебных в нижнелужицком языке, подобное доказательству отсутствия палатализации перед /e/ < *q* в польском.

§7. Второе, более существенное различие в западнославянских языках касается палатализации фрикативного *x*. В польском и нижнелужицком языках спирант *x* непалатализован в контекстах, в которых смьчные *k, g* палатализованы. В словинском и вернелужицком языках, однако, *x* (или его рефлекс) палатализован во всех подходящих контекстах, что видно из данных, приведенных в табл. 5.

Т а б л и ц а 5
Палатализация фрикативного *x* в западнославянских языках

Вернелужицкий язык	Нижнелужицкий язык	Польский язык	Словинский язык
<i>khětry</i> [k ^h ']	<i>chytšy</i> [x]	<i>chytšy</i> [x]	<i>čttr'ɨ</i> [x']
<i>khiliš</i> [k ^h ']	<i>chylis</i> [x]	<i>chylis</i> [x]	<i>čilac</i> [x']
<i>suchi</i> [x']	<i>suchy</i> [x]	<i>suchy</i> [x]	<i>sešt</i> [x']
<i>šichi</i> [x']	<i>šichy</i> [x]	<i>šichy</i> [x]	<i>šast</i> [x']

Судя по восточнославянским языкам, где этот звук регулярно палатализован, можно предположить, что следует объяснить именно отсутствие палатализованного *x'* в польском и нижнелужицком языках.

Возникают два противоречивых предположения. С одной стороны, возможно, что *x* не подвергалось палатализации в этих языках, так что отсутствие палатализованного *x'* отражает первоначальную ситуацию.³⁷ С другой стороны, возможно и то, что *x* когда-то палатализовалось в польском и нижнелужицком языках так же, как и в словинском и вернелужицком, но впоследствии утратило палатализацию, так что отсутствие палатализованного *x'* отражает последующее изменение. Чтобы решить вопрос, является это отсутствие архаизмом или новообразованием, было бы полезно установить закономерности, управляющие развитием палатализации. Их можно раскрыть в данных мазовецких говоров, где палатализация еще находится в процессе развития.

Во-первых, палатализация развивается раньше для смычных *k, g*, чем для фрикативного *x*. Например, в д. Выжики, смычные *k, g* обычно палатализованы перед гласными *e* и *ę* во внутренней позиции—ср. *g'emba*, *ok'enko* "окошко", *g'ęsti*, *k'elisek* "стаканчик", но *kedis* "иногда", в то время как фрикативное *x* редко палатализовано в этой позиции—ср. *stax'eti* "штaketник", но *boxenek* "буханка", *xektar* "гектар", *xerbata* "чай". Эти факты говорят о том, что развитием палатализации управляет закономерность, согласно которой смычные палатализуются раньше фрикативных. Факты как будто подтверждают объяснение архаизма, но необходимо заметить, что фрикативные отстают от смычных только на немного—не существует мазовецкого говора с развивающейся еще палатализацией, в котором смычные *k, g* были бы вполне палатализованы во всех контекстах, а спирант *x* совсем непалатализован. Таким образом, различие в темпе развития между смычными и фрикативными, возможно, опосредственно указывает на то, что отсутствие палатализованного *x'* — новообразование.

Во-вторых, существуют контексты двух типов, с точки зрения морфонологии: *нечередующиеся, т. е. те*, которые не показывают морфонологического чередования, так что в таких контекстах условия для фонетического изменения находятся во всех формах слова, и *чередующиеся, т. е. те*, которые включают чередование и в одних формах слова создают условия для изменения, а в других нет. Относительно палатализации заднеязычных позиция внутри корня, как правило, является нечередующимся контекстом, так как заднеязычный согласный находится перед тем же гласным во всех формах парадигмы. Позиция же

перед грамматическими окончаниями определяется как чередующийся контекст, поскольку задненебный находится перед /-бемольным/ гласным не во всех формах парадигмы, а лишь в некоторых. Различными могут быть степени чередования в позиции перед окончаниями. Имена прилагательные в западославянских языках определяют с л а б о чередующийся контекст, так как условия для палатализации соблюдаются в большинстве форм парадигмы, а имена существительные—с и л ь н о чередующийся контекст, поскольку в них содержатся предпосылки для фонетического изменения только в некоторых парадигматических формах.

Вообще оказывается, что любое фонетическое изменение развивается в нечередующихся контекстах раньше, чем в чередующихся, причем в слабо чередующихся раньше, чем в сильно чередующихся. Объяснение этой закономерности, по-видимому, заключается в том, что в нечередующихся контекстах постоянно выполняются условия для изменения, а в чередующихся нерегулярно, потенциально создавая чередование внутри парадигмы.³⁸

На примере мазовецких говоров видно, что палатализация развивается раньше в нечередующихся контекстах, чем в чередующихся, как для смычных *k, g*, так и для фрикативного *x*. В д. Шумово, например, *k, g* регулярно палатализованы в нечередующихся контекстах—ср. *sk'iba* "ломоть", *k'čjek* "палочка", *k'člo* "килограмм", *k'člometr* "километр"—и нерегулярно в чередующихся—ср. *nitk'i* "нитки", *burak'č* "свеклы", *morg'č* "меры земли", *nog'č* "ноги", *rog'č* "рога", но *širanki* "занавески", *kšyški* "книжки", *tytoki* "узлы", *drugi* "другой". Подобным образом *x* постоянно палатализовано в нечередующихся контекстах—ср. *x'čba* "может быть", *x'čtrč* "хитрый", *x'čilč* "нагибает"—и непостоянно в чередующихся—ср. *muš'č* "мухи", *spric'č* "спицы", но *guchł* "глухой", *pjeluchł* "пеленки". Сходные факты отмечаются в другом районе мазовецкой языковой области, на севере от г. Пулавы,³⁹ где смычные палатализованы в нечередующихся контекстах, а не в чередующихся: *k'istki* "кисточки", *sk'ipki*, *k'izki*. В языке младшего поколения палатализация расширяется и на чередующиеся контексты. Это указывает на то, что она находится еще в процессе развития, которое лишь временно замедляется в чередующихся контекстах.

Различный темп развития палатализации в нечередующихся и чередующихся контекстах может выразиться в виде географической градации, что наблюдается в восточнославянских языках. В центральных говорах украинского языка задненебные непалатализованы ни в нечередующихся контекстах, ни в чередующихся (диалектная зона I в табл. б). М. М. Пешак привел доказатель-

ства,⁴⁰ что отсутствие палатализации здесь следует истолковать как архаизм—палатализация заднебных вовсе не осуществилась в этих говорах, вероятно, из-за особенного тонального соотношения гласных и согласных.⁴¹ Наоборот, в белорусском языке палатализация вполне развита как в нечередующихся контекстах, так и в чередующихся (диалектная зона III в табл. 6). Но в промежутке между зоной центральных говоров украинского языка и зоной белорусского есть две переходные полосы.⁴² Первая представляет собой маленький район южной части Житомирской области, где заднебные могут быть палатализованы или непалатализованы в нечередующихся контекстах, а только непалатализованы в чередующихся (диалектная зона IIa в табл. 6). Во второй, большей переходной зоне, протягивающейся от Волынской области до северной части Сумской, заднебные палатализованы в нечередующихся контекстах—ср. *сок' іра* "секира", *х' ітрий* "хитрый"—и непалатализованы в чередующихся—ср. *парубки* "парни", *співачи* "певцы" (диалектная зона IIб в табл. 6). Географическая градация по распространению палатализованных заднебных в восточнославянских языках приводится в табл. 6, где вертикальная стрелка указывает направление развития.

Т а б л и ц а 6

Диалектные зоны распространения палатализации заднебных в восточнославянских языках

Диалектная зона	Тип контекста	
	Нечередующийся	Чередующийся
I	k	k
IIa	k ~ k'	k
IIб	k'	k
III	k'	k'

Диалектная градация в восточнославянских языках является непосредственным отражением закономерности, по которой фонетическое изменение в нечередующихся контекстах развивается раньше, чем в чередующихся.

§8. Исходя из данной закономерности, можно решить вопрос, является ли отсутствие палатализованного *x'* в польском и нижнелужицком языках архаизмом или новообразованием. Для этого необходимо расширить сферу данных, приведенных в табл. 5, и исследовать распространение палатализованного *x'* среди западнославянских языков с точки зрения лингвистической географии.

При таком исследовании обнаруживаются два случая географической градации зон типа: центральная > переходная > периферийная.

В первом из этих случаев, *x* непалатализовано ни в польском языке, ни в южных кашубских говорах, представляющих собой центральную зону, как показывают примеры из польского языка в табл. 5. В северных кашубских говорах, являющихся промежуточной и переходной зоной, *x* палатализовано только в сильно чередующемся контексте имен существительных (*měxi* "мешки", *m^hixi* "мухи") и непалатализовано ни в слабо чередующемся контексте имен прилагательных (*səxi* "тихий", *sěxi* "сухой"), ни в нечередующихся контекстах (*xitri* "хитрый", *xələc* "нагибать"). В северо-западных кашубских говорах (например, в говоре г. Гловитц), представляющих собой вторую переходную зону, *x* палатализовано как в сильно чередующемся контексте имен существительных, так и в слабо чередующемся контексте имен прилагательных (*měxi*, *m^hixi*, *səxi*, *sěxi*), и непалатализовано в нечередующихся контекстах (*xitri*, *xələc*).⁴³ Наконец, в периферийной зоне словинского языка *x* последовательно палатализовано и в чередующихся, и в нечередующихся контекстах (см. табл. 5). Первый случай лингвогеографической градации представлен в табл. 7.

Во втором случае фрикативное *x* в нижнелужицком языке непалатализовано ни в чередующихся контекстах, ни в чередующихся (см. табл. 5). В некоторых периферийных говорах нижнелужицкого языка и в переходных говорах между нижнелужицким и вернелужицким, *x* палатализовано в чередующихся контекстах и непалатализовано в нечередующихся. Такая дистрибуция наблюдается в кольце говоров, окружающих центральную диалектную зону: на северо-западе—в г. Ветшау,⁴⁴ на северо-востоке—в г. Рогов,⁴⁵ на юге—в среднем переходном говоре около г. Блунь (*m'ex'i* "мешки", *śix'i* "тихий", *sux'i* "сухой", но *xytaś* "бросать", *xuśo* "быстро")⁴⁶ и в восточном переходном говоре около г. Слепо (*sux'e* "сухое", *mix'i* "мухи", но *xyl'a* "недолго", *xytaŕu* "бросают", *xuś* "приятно").⁴⁷ Наконец, в периферийной зоне вернелужицкого языка *x* палатализовано во всех контекстах (см. табл. 5). Второй случай лингвогеографической градации также изображен в табл. 7.

Т а б л и ц а 7

Диалектные зоны распространения палатализации
фрикативного *x* в западнославянских языках

Диалектная зона	Тип контекста		
	Не- чередующийся	Слабо чередующийся	Сильно чередующийся
Словинский язык	<i>x'</i>	<i>x'</i>	<i>x'</i> ↑
Сев.-зап. кашубский говор	<i>x</i>	<i>x'</i>	<i>x'</i> ↑
Сев. кашубский говор	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x'</i>
Польский язык	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
Нижнелужицкий язык	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
Нижнелужицкий говор	<i>x</i>	<i>x'</i>	<i>x'</i>
Вернелужицкий язык	<i>x'</i>	<i>x'</i>	<i>x'</i> ↓

Два случая лингвогеографической градации, представленные в табл. 7, во всех отношениях являются классическими примерами градации диалектных зон "центральная > переходная > периферийная", кроме одного: в переходных зонах исследованный признак—палатализация фрикативного *x*—выявляется в чередующихся контекстах, не в нечередующихся. В этом отношении градации, изображенные в табл. 7, резко отступают от градации в восточнославянских языках в табл. 6, где в переходных зонах заднебные палатализованы в нечередующихся контекстах, не в чередующихся.

Необычным расположением палатализованного *x'* в переходных зонах западнославянских языков отвергается гипотеза архаизма, в пользу гипотезы вторичной депалатализации. Если бы *x* никогда не палатализовалось в центральных зонах западнославянских языков, асимметричная дистрибуция *x* и *x'* в переходных зонах должна была бы непосредственно отражать самое начало или первые этапы развития палатализации. Это, однако, неправдоподобно потому, что, согласно общей закономерности, установленной выше с помощью параллелей в развитии палатализации заднебных, любое фонетическое изменение в нечередующихся контекстах начинает осуществляться раньше, чем в чередующихся, а переходные зоны показывают прямо противоположную дистрибуцию. Таким образом, расположение *x* и *x'* в переходных зонах отражает не начало палатализации, а начало вторичной

депалатализации. То есть, фрикативное *x* когда-то палатализовалось во всей рассматриваемой нами западно-славянской области, включая польский и нижнелужицкий языки, а впоследствии в разных говорах утрачивало мягкость до той или иной степени. В табл. 7 направление развития депалатализации указывается стрелками, уходящими от центральных зон.

Приведенное выше объяснение подтверждается данными силезских говоров польского языка. В этих говорах палатализация слабо развита, так что на южной границе области смычные *k*, *g* палатализованы в нечередующихся контекстах—ср. *k' iška* "кислое молоко", *k' ivaé* "кивать", *k' ič* "кий"—и непалатализованы в чередующихся—ср. *živočy*, *živočyke* "дикий, дикое".⁴⁸ В то же время палатализация фрикативного *x* отмечается редко, и то лишь в чередующихся контекстах—ср. *mich' i* "мухи", *dach' i* "крыши", *cořezex' i* "орехи", *such' i* "сухой", *sich' i* "тихий".⁴⁹ Так как мягкие *k'*, *g'* и мягкое *x'* показывают различную дистрибуцию относительно типов контекстов, невероятно, чтобы и та и другая асимметричные дистрибуции отражали первоначальное развитие. Исходя из параллелей, приведенных выше, можно заключить, что в асимметричной дистрибуции *k'*, *g'* проявляется первичное неполное развитие палатализации, в то время как противоположная дистрибуция *x'* обнаруживает частичное развитие его депалатализации.

Как новообразование депалатализацию *x'* можно описать следующим образом. В центральных зонах польского и нижнелужицкого языков фонетическое изменение палатализации прервалось довольно рано фонологизацией, в которой мягкие варианты заднеязычных стали фонемами. В польском языке фонологизация произошла до качественного различия гласных, в нижнелужицком—до понижения *e* > *a* перед твердыми согласными. Когда фонологизация осуществилась, палатализованные варианты [*k'*, *g'*] фонем /*k*, *g*/ стали самостоятельными фонемами, а мягкий вариант [*x'*] фонемы /*x*/—нет. Причина этого не ясна, но можно предположить, что здесь проявляется общая закономерность, ограничивающая сочетаемость признака палатализации с фрикативными согласными. Как фонетическая палатализация в мазовецких говорах начинается позже для фрикативных, чем для смычных, так и дифференциальный признак палатализации менее совместим с фрикативными, чем со смычными. Такая закономерность схожа с принципом, управляющим сочетанием признаков резкости и палатализации, который действует и на фонетическом, и на фонологическом уровнях.

Во всяком случае оказывается, что палатализованное *x'* "воспринималось твердым и впоследствии действительно стало таким", как Р. О. Якобсон охарактеризи-

ровал подобное изменение.⁵⁰ В польском и нижнелужицких языках это терапевтическое изменение осуществилось полностью, а в переходных зонах только в нечередующихся контекстах, в которых оно, как любое фонетическое изменение, началось. Из частичного же развития этого изменения возникла необычная асимметричная дистрибуция согласных *x* и *x'*. В периферийных зонах мягкое *x'* сохранилось, по-видимому, из-за того, что стало отдельной фонемой.

Депалатализация *x'* несколько отличается от обсужденных выше изменений, поскольку является ликвидированием старого варианта, а не созданием нового. Но все же вероятно, что и такое терапевтическое изменение начинает осуществляться раньше в нечередующихся контекстах, чем в чередующихся. Точная параллель отмечается А. Шродером в переходном лужицком говоре г. Слепо, где палатализованные заднебные сейчас исчезают.⁵¹ В нечередующихся контекстах у представителей старшего поколения сохраняется палатализация: *g'ernyk* "горшок", *k'ermić* "кормить", в то время как у младшего поколения она устраняется: *gernyk*, *kermić*. Но в чередующихся контекстах у обоих поколений палатализация присутствует: *tajk'ę* "такое", *drog'ę* "дорогое".

§9. Наконец рассмотрим орфографические данные старопольского языка. Во многих памятниках XV в., когда мягкие и твердые согласные стали систематически различаться в письменности, смычные *k*, *g* были мягкими, а спирант *x* — твердым.⁵² В позиции перед фонемой /i/ (здесь буква ⟨y⟩ обозначает вариант [i] и, наоборот, ⟨i⟩ обозначает [y]) в памятнике *Kazanie na dzień Wszystch Świętych* встречаются написания *nykym* "никем", *taky* "такой", подразумевающие произношение [k'i], но *grzechi* "грехи", *strachi* "страхи" с произношением [хy].⁵³ Такие написания обычно считаются доказательством того, что звук *x* никогда не палатализовался в польском языке, однако вполне возможно, что они отражают этап развития, когда спирант *x* уже потерял мягкость, до того существовавшую. Второе истолкование подтверждается одним памятником XV в., в котором наблюдается произношение [x'i]. В памятнике *Biblia Królowy Zofii II* сочетание /xi/ пишется девять раз через ⟨chy⟩, т.е. [x'i], как в *michy* "мухи", *sochy* "сохи", и только два раза через ⟨chi⟩, т.е. [хy], как в слове *grzechi*.⁵⁴ Итак, истолкование письменных данных старопольского языка, по крайней мере, может быть двояким и, возможно, данные подтверждают гипотезу, согласно которой *x* сначала палатализовалось и впоследствии депалатализовалось.

§10. В заключении остановимся на двух главных выводах.

Во-первых, из изменений, совмещенных в соответствиях $ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)$, палатализация заднеязычного является первичным, а переход гласного в передний ряд—вторичным следствием палатализации. Необычную палатализацию в позиции перед гласным заднесреднего ряда можно объяснить как развитие варианта повышенной тональности ([+диэзный]) среди заднеязычных согласных в позиции перед гласными, обладающими дифференциальным признаком высокой тональности (/—бемольный/). В этом принимает участие фонема /i/ с вариантом [y]. Такое истолкование подтверждается данными мазовецких говоров польского языка, в которых палатализация осуществляется перед фонемой /a/, когда она противопоставляется коррелятивной фонеме /ã/. Таким образом, настоящим анализом удостоверяется основная роль фонологической системы в фонетическом изменении.

Во-вторых, на основании необычной дистрибуции непалатализованного x в нечередующихся контекстах и палатализованного x' в чередующихся в двух переходных зонах западнославянских языков было выдвинуто предположение, что отсутствие палатализованного x' в центральных зонах—не архаизм, а что оно возникло вследствие депалатализации. Также нами были приведены аргументы в пользу гипотезы, что палатализованные варианты заднеязычных в польском и нижнелужицком языках стали фонемами относительно рано.

П р и м е ч а н и я

¹ В последующем примеры из литературных языков приводятся в соответствующей литературной орфографии, примеры из народных говоров—фонетической транскрипции, как это принято в цитируемой литературе, за некоторыми исключениями: апострофом обозначается палатализованный согласный (например, p', k'), в то время как знак акута прибегается для обозначения палатального согласного (например, k', l') или альвеолярно-палатального (например, $č$). Звуки и примеры приводятся в нейтральной форме, за исключением случаев, при которых следует использовать косые скобки (/ /) в противоположность квадратным ([]) для того, чтобы различить фонологический и фонетический уровни—эта нотация применяется и при обозначении дифференциальных и недифференциальных признаков. Автор благодарен своему коллеге М. Флайеру за ценные замечания.

² R. J a k o b s o n. Remarques sur l'évolution du russe comparée à celle des autres langues slaves. TCLP, II, 1929, стр. 61-62; Л. Л. К а с а т к и н. К истории заднебных фонем в русском языке. ВЯ, 1965, 2.

³ Z. S t i e b e r. Rozwój fonologiczny języka polskiego. 3-е изд. Warszawa, 1962, стр. 68-69; Ф. П. Ф и л и н. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 304-307.

⁴ A. F u r d a l. O przyczynach zmian głosowych w języku polskim. Wrocław, 1964, стр. 44.

⁵ Ср. у А. Фурдаля: "Nowa palatalizacja tylnojęzykowych nie zależy od przedniej artykulacji następującej samogłoski" (А. F u r d a l. Указ. соч., стр. 44).

⁶ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907, стр. 136-138.

⁷ Ф. П. Ф и л и н. Указ. соч., стр. 315-316.

⁸ Ср. у Р. О. Якобсона: "The statement that "the palatalization of *k*, *g*, *x* depends on the following sound" is misleading because, on the contrary, the vowel oscillation between front and back depends on the palatalized or nonpalatalized character of the preceding consonant" (R. J a k o b s o n. Russian Conjugation. Word, IV, 1948, стр. 164).

⁹ Р. Я к о б с о н, Г. М. Ф а н т, М. Х а л л е. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. В сб. "Новое в лингвистике", вып. 2. М., 1962, стр. 197.

¹⁰ H. A n d e r s e n. Variance and Invariance in Phonological Typology. В сб. "Phonologica 1972", München-Salzburg, 1975.

¹¹ Р. Я к о б с о н, Г. М. Ф а н т, М. Х а л л е. Указ. соч., стр. 193-196.

¹² Л. Л. К а с а т к и н. Указ. соч., стр. 69-72.

¹³ Z. S t i e b e r. Указ. соч., стр. 69; А. F u r d a l. Указ. соч., стр. 46; K. D e j n a. Dialekty polskie. Wrocław, 1973, стр. 127.

¹⁴ H. A n d e r s e n. Abductive and Deductive Change. Language, XLIX, 1973, стр. 785-786.

¹⁵ R. J a k o b s o n. Remarques..., стр. 58.

¹⁶ Л. Л. К а с а т к и н. Указ. соч., стр. 71.

¹⁷ K. D e j n a. Указ. соч., стр. 127.

- ¹⁸ Z. S t i e b e r. Указ. соч., стр. 69.
- ¹⁹ Z. S t i e b e r. Указ. соч., стр. 29; H. B i r n - b a u m. Reinterpretacje fonologiczne nosówek słowiańskich. В сб. "American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, I: Linguistic Contributions". The Hague, 1964, стр. 34-39.
- ²⁰ K. D e j n a. Указ. соч., стр. 126.
- ²¹ H. F r i e d r i c h. Gwara kurpiowska. Fonetyka. Warszawa, 1955, стр. 115-119; H. Z d u Ń s k a. Studia nad fonetyką gwar mazowieckich. Konsonantyzm. Wrocław, 1965, стр. 80-95; S. W a r c h o ł. Gwary dawnej ziemi stężyckiej. Wrocław, 1967, стр. 102-104.
- ²² H. F r i e d r i c h. Указ. соч., стр. 116; H. Z d u Ń s k a. Указ. соч., стр. 86; S. W a r c h o ł. Указ. соч., стр. 102.
- ²³ A. F u r d a l. Указ. соч., стр. 46, 42.
- ²⁴ За отмеченными ниже исключениями, все данные мазовецких говоров приводится из исследования Х. Здунской. См.: H. Z d u Ń s k a. Указ. соч., стр. 80-95.
- ²⁵ Z. S t i e b e r. Uwagi na marginesie "Rozwoju fonologicznego języka polskiego". RKJŁ, I, 1954, стр. 118; K. D e j n a. Указ. соч., стр. 128.
- ²⁶ Z. S t i e b e r. On the Predictability of Linguistic Changes. Biuletyn PTJ, XXVII, 1969, стр. 20.
- ²⁷ A. B a s a r a. Studia nad wokalizmem w gwarach Mazowsza (samogłoski ustne). Wrocław, 1965, стр. 24-46.
- ²⁸ K. N i t s c h. Dialekty polskie Prus Wschodnich. В кн. Wybór pism polonostycznych, 3. Wrocław, 1954, стр. 259-260, 281-282; K. D e j n a. Указ. соч., стр. 159.
- ²⁹ A. B a s a r a. Указ. соч., стр. 12.
- ³⁰ Там же, стр. 25 и карта № 5.
- ³¹ H. A n d e r s e n. Towards a Typology of Change: Bifurcating Changes and Binary Relations. В сб. "Historical Linguistics, 2: Theory and Description in Phonology." Amsterdam, 1974, стр. 26.
- ³² K. N i t s c h. Указ. соч., стр. 260; K. D e j n a. Указ. соч., стр. 129.
- ³³ За отмеченными исключениями, данные приводятся из исследования К. Муки. См.: K. M u s k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen)

Sprache. Leipzig, 1891, стр. 125-127.

³⁴ P. W i r t h. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas, I: Kartenband. Leipzig, 1933, карта № 37.

³⁵ Sorbischer Sprachatlas, 1-4. Bautzen, 1965-1972, т. 2, карта № 63.

³⁶ Там же, т. 4, карта № 116.

³⁷ Z. S t i e b e r. Rozwój..., стр. 68-69. К. D e j n a. Указ. соч., стр. 39.

³⁸ P. K i p a r s k y. Explanation in Phonology. В сб. "Goals of Linguistic Theory". Englewood Cliffs, N.J., 1973, стр. 206-213; А. Т и м б е р л а к е. Dual Reflexes of **dj* in Slavic and a Morphological Constraint on Sound Change. IJSLP (в печати).

³⁹ S. W a r s h o ł. Указ. соч., стр. 102.

⁴⁰ М. М. П е щ а к. Розвиток спільнослов'янських сполук *є, к, х з и* на українському ґрунті. В сб. "Дослідження з української мови". Київ, 1958.

⁴¹ R. J a k o b s o n. Remarques..., гл. 7.

⁴² М. М. П е щ а к. Указ. соч., стр. 12.

⁴³ F. L o r e n t z. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin, 1925, стр. 77; Он же. Gramatyka pomorska, 1-8. Poznań, 1927-1937, стр. 468-470; Он же. Pomoranisches Wörterbuch, 1-3. Berlin, 1958-1973.

⁴⁴ H. F a s s k e. Die vetschauer Mundart. Bautzen, 1964, стр. 45.

⁴⁵ К. М у с к е. Указ. соч., стр. 93.

⁴⁶ Л. Э. К а л н ы н ь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967, стр. 144-145.

⁴⁷ A. S c h r o e d e r. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958, стр. 56, 111.

⁴⁸ K. D e j n a. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, 2. Łódź, 1953, стр. 151-153.

⁴⁹ S. B а к. Mowa polska na Śląsku. Wrocław, 1974, стр. 81.

⁵⁰ R. J a k o b s o n. Remarques..., стр. 64.

⁵¹ A. S c h r o e d e r. Указ. соч., стр. 56.

⁵² Z. S t i e b e r. Rozwój..., стр. 68-69.

⁵³ T. B r a j e r s k i. Rozróżnienie samogłosek w pisowni kilku polskich zabytków językowych XV w. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, II, 1957, стр. 77.

⁵⁴ T. B r a j e r s k i. Ze studiów nad polszczyzną XV w. *Slavia Occidentalis*, XIX, 1948, стр. 339-340.

On the History of the Velar Phonemes in North Slavic

This paper discusses the phonological motivation and dialect differentiation of the most recent palatalization of velars in those North Slavic languages which preserved distinctive palatalization of consonants (e.g., Russian, Polish, Lower Sorbian). This palatalization, often discussed in terms of the abbreviated correspondences *ky, gy, (xy) > k'i, g'i, (x'i)*, is noteworthy because it occurred before the reflex of Common Slavic *y, a phonetically back vowel.

These correspondences subsume two changes—palatalization of the velar consonant and fronting of the vowel—so the basic question of phonological motivation is which change is primary. Although it is usually assumed that fronting of the vowel was primary and produced palatalization, this assumption can be shown to be untenable. It must be assumed, on the contrary, that palatalization was the primary change, with fronting of the vowel occurring as an automatic adjustment of allophones. The phonological motivation for palatalization can be expressed as an assimilation of features: the phonemically unpaired velars developed high tonality (palatalized) allophones before vowels with distinctive high tonality. Since the tonality feature distinctive for vowels at this time was flatness (rounding), rather than gravity (backness), palatalization developed before distinctively nonflat vowels, including the grave allophone [y] of the nonflat phoneme /i/. This interpretation is supported by evidence from Mazowian dialects of Polish, in which palatalization develops before unrounded /a/ precisely when it is opposed to a correlative rounded /ã/.

In addition, this paper examines some dialect differences in the development of palatalization within West Slavic, specifically (i) the absence of palatalization before *ę* in most Polish dialects, (ii) the presence of palatalization before *ar al < *r ʔ* in Lower Sorbian, and (iii) the lack of palatalization of *x* in Polish and Lower Sorbian.

University of California, Los Angeles